

Она увидела Су Ю, и тяжесть последних дней словно рукой сняло. Настроение заметно улучшилось, она даже забыла про свой предлог с вопросами — ей просто хотелось подольше побыть рядом. Су Ю слушала, как Цай Сяовэнь перескакивает с легенд о керамике на историю глазури, а затем с развития пурпурной глины — на планы на будущее... Боль стала настолько невыносимой, что Су Ю, с трудом опираясь на руки, чтобы не упасть лицом на стол, слабо проговорила:

— Сяовэнь, вскипяти мне воды и завари коричневый сахар. Он на кухне.

— Угу! — Цай Сяовэнь, только что разразившаяся длинной тирадой, почувствовала, что у неё пересохло в горле, и поспешила согласиться. Она встала, чтобы найти чайник, но, обыскав всю спальню, так его и не нашла. — Старшая сестра, а где чайник-поросенок?

— Э-э... — Су Ю была бледна как полотно, она едва держалась и у неё не было сил объясняться с Цай Сяовэнь. — Сначала вскипяти воду, завари сахар, а потом расскажу. Чашку возьми ту, черную, на высокой ножке.

— Угу! — Цай Сяовэнь схватила со стола черноглазую чашку и послушно отправилась на кухню: набрала воды, вскипятила, помыла чашку, развела сахар и принесла в комнату. Су Ю уже лежала в кровати, закутавшись в одеяло, и хлопала глазами, глядя на Цай Сяовэнь с жалобным, оленячьим взглядом.

— Старшая сестра, ты чего прилегла? — Кан в доме Су Ю был сделан в виде кровати, поэтому на вид ничем от неё не отличался.

Су Ю с трудом взбила подушку и, опираясь на неё, села:

— Разве у тебя живот не болит, когда приходят женские дни?

— Нет. Никогда не болел, — Цай Сяовэнь протянула ей чашку. — Сахарная вода, я разбавила холодной, она совсем чуть-чуть горячая.

Су Ю взяла чашку и похлопала по месту рядом с собой. Цай Сяовэнь поняла её без слов и, подвинувшись, села рядом. — Старшая сестра, так где чайник-поросенок?

Су Ю слегка подула на поверхность воды, искоса взглянула на Цай Сяовэнь и ответила вопросом на вопрос:

— Как думаешь?

— М-м... — Цай Сяовэнь задумалась, а затем очень серьезно ответила: — Оставила в лавке, используешь там?

— Умница! — похвалила Су Ю и отпила сахарной воды. Она даже не покраснела — в конце концов, она не солгала прямо.

Тревога Цай Сяовэнь за чайник улетучилась, на душе стало легко, она даже расслабленно повела плечами и тут же начала совать нос в чужие дела:

— Старшая сестра, а то, что ты используешь... из чего оно?

— То, что я использую? — Су Ю подумала, что если она это поймет, то это будет чудо.

Цай Сяовэнь замялась, её глаза забежали по сторонам — куда угодно, только не на Су Ю.

— Ну... это самое... когда приходят женские дни...

Су Ю внезапно поняла:

— Менструальный пояс?

— Угу... — Цай Сяовэнь торопливо закивала, смущенно опустив голову и перебирая пальцы.

— Раньше в пояс насыпали древесную золу, а последние два года я использую рисовую бумагу.

— Рисовую бумагу? — Цай Сяовэнь подняла голову, её щеки все еще горели. — Но рисовая бумага такая дорогая...

Су Ю допила воду и рассмеялась:

— Когда начнешь делать официальную керамику, узнаешь, как легко зарабатываются деньги. Чиновники никогда не торгуются. Поэтому я и говорю, что я богата. Всё то же самое: я богата, я тебя прокормлю. Нет, я буду жить за твой счет.

Цай Сяовэнь внезапно воодушевилась, вскочила, сжала кулаки и громко воскликнула:

— В следующем году на Керамическом смотре я выложусь на полную!

В представлении Цай Сяовэнь единственный путь к созданию официальной керамики — это победа девятого ранга. Но победителем может стать только один, а Су Ю хотела, чтобы они вдвоем занялись этим делом, где никто не торгуется.

В животе внезапно скрутило, и лицо Су Ю стало еще бледнее. Она с трудом подняла руку, легонько дернула Цай Сяовэнь за рукав и прошептала:

— Сядь, сядь...

Цай Сяовэнь послушно села. Су Ю сползла с подушки, согнулась, придвинулась к Цай Сяовэнь и положила голову ей на колени:

— Посплю немного.

— Старшая сестра, вот так прямо здесь?

— Угу... — Су Ю закрыла глаза, потерлась щекой о бедро Цай Сяовэнь, устраиваясь поудобнее.  
— Расскажи какую-нибудь историю.

Цай Сяовэнь занималась боевыми искусствами, мышцы на её бедрах были крепкими. Но там, где лежала голова Су Ю, даже эта крепость казалась мягкой. И эта мягкость, начавшись с бедра, стала подниматься вверх, проникая в самое сердце. Цай Сяовэнь почувствовала, что на неё опираются, и ей показалось, будто её обнимают. Ей стало тепло и приятно, и, услышав просьбу Су Ю, она тут же выбрала из множества историй, которые знала, свою любимую.

— Расскажу-ка я историю о том, как монах Цзи изгонял демонов!

Это была не книжная история, а сказ, который Цай Сяовэнь слышала от уличного рассказчика. Вместе с историей она запомнила и его живую мимику, поэтому теперь пыталась

копировать его выражение лица. Но он был профессионалом, а она — нет, поэтому, когда дело дошло до кульминации, её лицо стало выглядеть так, будто она собралась кого-то убить...

— ...И видит монах: демон — красавица! Губы алые, зубы белые, стоит себе спокойненько у надгробия. Увидела она монаха Цзи — грязного, шатающегося — и посмотрела на него с яростью: Эй, монах! Как смеешь ты быть таким дерзким?! Неужели не боишься смерти?! Разве не знаешь, что я не человек?!

Монах Цзи ухмыльнулся и раскинул руки: Знаю, ты демон. Ну же, иди сюда, дай брату обнять тебя!

Демон присмотрелась к монаху. Его ряса уже давно потеряла всякий цвет, грязь и дождевая вода перемешались в ней, грязнее некуда, а на лице сверкали два ряда желтых зубов... Демон сглотнула слюну, её словно затошнило, и она решительно отказала: Нет!

Монах Цзи посеменил к ней, хихикая: Малышка, дай брату обнять тебя...

Демон бросилась наутек, крича на бегу: Помогите! Спасите!

Только тогда монах Цзи остановился, снял монашескую шапку, хлопнул себя по лбу и грозно крикнул: Дерзкое отродье, посмотри сюда!

...Цай Сяовэнь как раз хлопала себя по лбу, указывая двумя пальцами вперед, в точности повторяя движения монаха Цзи. Но, опустив глаза, она увидела, что Су Ю никак не реагирует — она уже спала. Цай Сяовэнь замолчала, протянула руку, поправила растрепавшиеся на лбу Су Ю волосы, замерла, стараясь не шевелить ногой, наклонилась и натянула одеяло, чтобы укрыть её получше...

К вечеру домой вернулась Фэнлин. Толкнув дверь спальни, она увидела Цай Сяовэнь, которая сидела, прислонившись к спинке кровати, с открытым ртом и запрокинутой головой, а на её коленях спала Су Ю. Обе крепко спали. Фэнлин постояла у кровати, молча глядя на них, затем развернулась, вышла и достала из-под своего спального кана серый керамический горшок. Это была её копилка. Она высыпала все монеты, пересчитала их одну за другой и вздохнула:

— Пора начинать копить деньги...

<http://bllate.org/book/18936/1855604>